

M.N. Rassokha
(Russia, Vladivostok)

SPEECH COMMUNITIES AND DISCOURSES ON LANGUAGE

The paper addresses questions of language identity attribution in the discourse on language ownership. Based on the correlation between language and national culture and the concept of identity construction and presentation three scenarios of formation of such discourse are examined.

Keywords: discourse on language, language identity, speech communities

О.А. Сулейманова
(Россия, Москва)

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В ДИСКУРСИВНОМ АНАЛИЗЕ

В статье рассматривается динамическое взаимодействие между лингвистической семантикой и практическим дискурсивным анализом (АД). Ключевая роль семантического анализа синтаксических и лексических средств в реализации дискурсивного анализа иллюстрируется результатами исследования автора, устанавливается корреляция между семантическим и дискурсивным анализом, предложены аргументы в пользу предложенной интерпретации корреляции.

Ключевые слова: семантика, семантический анализ, синтаксические модели, дискурсивный анализ

К настоящему моменту дискурсивная лингвистика, оформившись как самостоятельное направление во второй половине XX века, прошла огромный путь, став одной из ведущих парадигм современ-

ной лингвистики. Как и любое научное направление, она предлагает, с одной стороны, свой предмет и объект исследования, с другой стороны – свою собственную методологию исследования (что, собственно, и позволяет рассматривать ее как самостоятельную парадигму).

Методика дискурсивного анализа (далее АД), разработанная в рамках французской школы [Квадратура смысла 2002], в различных вариантах используется в дискурсивной лингвистике и в настоящее время, а именно: в традиционном представлении АД – это трехфокусная модель, комбинация трех составляющих. В дискурсивном анализе, как сформулировано во французской школе АД, участвуют три оси анализа – анализ идеологии текста; анализ интенций говорящего и восприятия реципиента (восходящий к психоанализу) и семантики языковых знаков. При этом в фокус АД попадает в первую очередь то, что не получает прямой экспликации, что не подлежит интерпретации без опоры на широкий фон (например, прецедентные феномены и аллюзивность) и не вводится через значение языкового знака только. Это означает, что фокус АД составляют не только эксплицитные языковые средства, но и «невысказанное», то, что нужно извлекать через сложные процедуры вывода.

Следует подчеркнуть, что АД различных видов дискурса распространен в лингвистической науке, не говоря уже о том, что различные аспекты дискурса постоянно находятся в центре внимания лингвистики – например, при проведении АД академического дискурса внимание уделяется лексикону, причем с учетом коннотативных смыслов; характеристике структуры предложения по активности / пассивности, номинализации, залогу и модальности, теме (профилитрованию и фону); структуре текста (смена ролей и тому, как отмечены эпизоды дискурса); интертекстуальности и интердискурсивности [Хутыз 2015: 82]. Учет совокупности ракурсов рассмотрения объектов АД и позволяет получить полное представление о данном объекте в дискурсивной перспективе.

Как представляется, АД в настоящее время, вместе с тем, не всегда учитывает семантику языковых единиц и синтаксических струк-

тур в полной мере. Мы полагаем, что системный учет семантики синтаксиса, как и данных семантического анализа дискурсивных слов позволяет уточнить характер репрезентации внеязыковой действительности в дискурсивной перспективе.

Рассмотрим в качестве примера того, как можно анализировать одну из проблем в рамках анализа особенностей академического дискурса – фигуры *Другого*, с опорой на анализ лексической и синтаксической семантики.

1. Академический дискурс

В дискурсивном пространстве академического взаимодействия дискурс вслед за рядом исследователей [Хутыз 2015: 75-76] в работе понимается как разновидность институционального дискурса, как составляющая часть научного дискурса. Академический дискурс раскрывается в различных жанрах – научная статья, монография, диссертация и др. В данной работе в качестве материала исследования выбран текст монографии по лингвистике [Хутыз 2015] – как отмечает С.Х. Карчаева, монографии, статьи, учебники и учебные пособия обладают высоким уровнем дискурсивных связей, тогда как «в научно-информационных, устно-научных и оценочных текстах дискурсивные связи реализуются не так широко» [Карчаева 2010: 22].

Мы полагаем, что академический дискурс принципиально полифоничен (в понимании М.М. Бахтина) и диалогичен – причем в большей степени, чем, например, художественный дискурс, при этом диалогичность реализуется главным образом через взаимодействие с *Другим*, а полифоничность достигается за счет вовлечения в дискурс разнообразных фигур (условных) коммуникатов.

Для определения особенностей представления *Другого* в академическом дискурсе рассмотрим, во-первых, семантику используемых синтаксических моделей, далее семантику ряда лексических единиц, участвующих в идентификации *Другого* в академическом дискурсе, и завершим анализ реконструкцией *Другого*.

2. Другой в академическом дискурсе

В академическом дискурсе *Другой* часто получает эксплицитное выражение – *Представители данного направления, Ряд лингвистов,*

Н.Н. Иванов, Автор полагает..., и в дискурсивной перспективе данная фигура не представляет интереса (ср. провозглашенная в АД «смерть субъекта»). В данном случае эксплицированный *Другой* выполняет роль агенса, субъекта высказывания. Субъект может также эксплицироваться структурами типа *Исследователями установлено*, где эксплицированный субъект уже не выполняет роль агенса. Подчеркнем, что в обоих случаях *Другой* «создает» свое дискурсивное пространство, переход в которое эксплицитно маркируется говорящим.

Другой может также эксплицироваться иными способами, ср. с *точки зрения историков*, где *Другой* представлен именной группой, задающей объем множества лиц-участников события, ср. тж.: *С точки зрения автора данной теории / По мнению ученого / Как следует из теории Р.Якобсона*.

Совокупность лиц может определяться также фразами типа *по оценкам / мнению, согласно точке зрения* и др., вносящими информацию о продуктах интеллектуальной деятельности субъектов и тем самым косвенно о *Другом*.

При этом степень известности агенса / субъекта как для адресата, так и для адресанта может варьироваться от потенциального: *При использовании данного метода исследователь может получить валидные результаты* (в этом случае участник события не выбран, однако задано множество, из которого он может быть выбран), до актуального: *Н.Н. Петров опирался на данную методiku, что позволило ему получить достоверные результаты*.

Возможно также идентифицировать *Другого* через использование инклюзивного *мы*, которое включает потенциального *Другого* в свое дискурсивное пространство. Нулевое (=имплицитное) инклюзивное *мы*, особенно в форме настоящего времени, «приглашает» академическое сообщество к диалогу: *Рассмотрим X. Посмотрим на то, какие модели описания приняты в данной работе*.

Эксклюзивное *мы*, напротив, не дискурсивно по своей природе, ср.: *Заметим, что речь идет именно о мульти-, а не билингвизме* (Хутыз. Академический дискурс), где речь идет о действии говорящего

только. При этом инклюзивная vs эксклюзивная интерпретация определяется семантикой предиката, ср. допускающие инклюзивную интерпретацию *рассмотрим, примем во внимание*, и, напротив, эксклюзивные *подчеркнем, заметим*.

Нулевой потенциальный *Другой* реконструируется в высказываниях с предикатами потенциальности типа *можно / нужно / следует* и др. Если сравнить фразы *я могу определить* и *можно определить*, отчетливо видно, что во втором случае имеет место включение (потенциального) *Другого* в сферу своего дискурсивного пространства, это своего рода «приглашение» к объединению, готовность к сотрудничеству, говорящий не закрывается от другого – напротив, он солидаризируется с ним. *Интересные выводы можно сделать на основе анализа впечатлений студентов... Невозможно охватить все эти вопросы в одном издании* [Хутыз 2015].

Имплицитный *Другой* может быть представлен семантическим субъектом неопределенно-личного предложения: *Так думали до тех пор, пока к пирамиде не приехали геологи*. В таком случае субъект может задаваться обстоятельствами, имплицитными тип множества участников [Сулейманова 1999: 186-195].

Далее, при использовании безличного коррелята модели *В древности считали, что X* – модели типа *считалось, что X* говорящий констатирует принадлежность семантического субъекта к классу людей, не сужая область его референции до какого-либо подмножества. Говорящий при этом «рисует фрагмент некоторой нормативной картины мира, которую разделяет определенный круг лиц и которая включает в себя свойственный ей набор стереотипных ситуаций и суждений» [Сулейманова 1999: 202]. При этом вносится информация о том, что описываемое событие имеет место не в результате проявления волеизъявления отдельного индивида или группы индивида, а благодаря действию некоторого предписывающего закона, некоей общепринятой нормы. В дискурсивной интерпретации семантики данной модели *Другой* репрезентирован «продуктом» деятельности индивида – выработанными нормам и правилами социума: *Среди достоинств академической мобильности отмечается полноценное зна-*

комство с дисциплинами на иностранном языке [Хутыз 2015]. Всегда считалось, что этой пирамиде две тысячи лет. Некоторые историки относили ее к более раннему периоду.

Еще одна особая синтаксическая структура, участвующая в дискурсивном диалоге, – это риторический вопрос (это отмечается многими исследователями): *...зачем мы публикуем свои научные открытия, какие качества мы хотим освоить...* [Хутыз 2015]. Он отличается от вопросно-ответного диалога между равноправными субъектами: адресантом и адресатом в том, что в риторическом вопросе *Другой* имплицитно, причем часто маскируется как диалог с самой собой, например: *Как решить эту задачу?*, однако апеллирует и к *Другому*, «приглашая» его к беседе или действию.

Инфинитивная модель типа *Если говорить о X* также «приглашает» в слушатели *Другого*, а императив и средства выражения модальности вообще традиционно относятся к дискурсивно-релевантным средствам: *Если ориентироваться на текст данной эпохи, можно заключить...*

Лексическое значение языковых единиц также оказывается дискурсивно-релевантным – например, слово *напротив*, где говорящий вступает в полемику с *Другим* – причем неясно, с кем – это может быть автореференция к собственным ранее высказанным мнениям (и в этом случае можно говорить о присутствии *Другого* – «прежнего» говорящего), либо к точке зрения *Другого* – собеседника. Ср.: *В этом случае, напротив, в виду имеется другая модель. Фраза в какой-то степени также апеллирует к другому и предполагает открытость к потенциальной реакции Другого. В какой-то степени это можно отнести на счет контекста.*

Местоимения отсылают к другому эксплицитно – фактически они характеризуют его роль чисто дейктически. Нулевые местоимения, напротив, создают комплексный образ, отражая сложное взаимодействие с ним говорящего.

Прецедентность и цитации по понятным причинам чрезвычайно частотны в данном типе дискурса *Слово «тиахуанако» в переводе с инкского означает «мертвый город»* (Никонов «Всемирный потоп»); *Центральным положением философии «пограничной ситуации»*

(пользуясь термином Ясперса) является то, что только через факт безнадежного сопротивления человек возвращает себе утраченную связь с Творцом (Кантор «Эмигрант из Третьего Рима»); Прометеевская яростная фраза «по правде всех богов я ненавижу» (см. Эсхил «Прометей прикованный») могла бы звучать и в устах Гектора, идущего в бой вопреки фатуму (Кантор «Эмигрант из Третьего Рима») или ...в устах Гекубы, приговоренной ахейцами (то есть богами, руководящими ахейцами) к поруганию (Кантор «Эмигрант из Третьего Рима»); ...сюжет этот – «срывание одежд» – для Эль Греко приобрел особое значение... (Кантор «Эмигрант из Третьего Рима»).

Принципиальная особенность академического дискурса состоит в том, что в нем эксплицированное противопоставление *Другому* имеет место в ограниченном числе случаев, а именно, когда *Другой* принадлежит иному интеллектуальному пространству, *Другой* создал свое когнитивное пространство, а также в случаях, когда автор работы дистанцирован от результата, и фокус сообщения составляет результат работы, а не личность исследователя (в работе Н.Д.Арутюновой) – и такие высказывания более частотны. Чаще автор фокусируется на диалоге с академическим миром не в прямой, эксплицитной форме, а через имплицитное включение *Другого* в сферу своих концепций, осуществляя естественную связь с научной традицией, защиту своей точки зрения на фоне обязательно иных воззрений – это и делает роль *Другого* чрезвычайно значимой, и часто более значимой, чем роль адресата.

Дискурсивная парадигма позволяет отрефлексировать взаимоотношения участников коммуникации, а также персонажей за кадром, вовлекая их в коммуникацию и создавая полифонию академического дискурса.

Опора на семантическое описание языковых единиц различных уровней – на уровне значения синтаксической модели (например, неопределенно-личного предложения), на уровне лексического значения (например, значения местоимений) позволяет получить описание особенностей данного типа дискурса.

Библиографический список

1. Карчаева С.Х. Дискурсивность научного текста. Автореферат дис. ...канд. филол. наук. – Нальчик: 2010.
2. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. Сб. научн. ст. – М.: Прогресс. 2002.
3. Сулейманова О.А. Проблемы русского синтаксиса: Безличные предложения. – М.: Диалог МГУ. 1999.
4. Хутыз И.П. Академический дискурс. Культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний. – М.: Флинта-Наука. 2015.

Источники фактического материала

1. Хутыз И.П. Академический дискурс. Культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний. – М.: Флинта-Наука. 2015.

O.A. Suleimanova

(Russia, Moscow)

THE ROLE OF LINGUISTIC SEMANTICS IN DISCOURSE ANALYSIS

The paper focuses on the dynamic interaction between linguistic semantics and practical discourse analysis (DA). The crucial contribution of the semantic analysis (SA) of syntactic and lexical means into the final discourse analysis is supported by the research findings of the author, SA-to-DA correlation is specified and followed by practical illustrations.

Keywords: semantics, semantic analysis, syntactic models, discourse analysis